

Харлан Эллисон

Жизнь в стиле ранней бедности

Харлан Эллисон

Жизнь в стиле ранней бедности

«Public Domain»

1970

Эллисон Х.

Жизнь в стиле ранней бедности / Х. Эллисон — «Public Domain»,
1970

К сорока двум годам он добился в жизни всего, о чём мечтал с детства: значимости, уверенности в себе, признания. Единственный из всего городка, где вырос. Но для того, чтобы его жизнь стала такой, какой есть, он должен вернуться... на 35 лет назад. Найти себя семилетнего, когда ещё ничего не началось, ничего не определилось, и найти ту точку в своей жизни, где он вышел на путь успеха, где он свернул с той тропы, по которой пошли все его сверстники по пути к взрослой неудавшейся жизни...

Содержание

Харлан Эллисон	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Харлан Эллисон

Жизнь в стиле ранней бедности

Вот и случилось... Странно, неправдоподобно, но я стоял во дворе дома, где жил до семи лет. Без тринадцати минут полночь, обычной, не волшебной зимней ночью, я снова оказался в городе, который когда-то удерживал меня до тех пор, пока я не смог убежать. Огайо, зима, около полуночи... Конечно, я мог вернуться.

Во время, которое... которое было тогда.

Я не понимал, почему я хотел вернуться. Просто знал, что мог. Без волшебства, без науки, без алхимии, без всяких сверхъестественных вмешательств. Просто вернуться. Потому что... мне было надо.

Назад... на тридцать пять лет и еще немного. Найти себя семилетнего, когда еще ничего не началось, не определились направления, найти ту точку в моей жизни, где я свернул с пути, по которому пошли к взрослой жизни мои сверстники, а я вышел на путь успеха и одиночества, приведший меня сюда, к началу, во двор, теперь уже без двенадцати минут полночь.

В сорок два года я добился всего, о чем мечтал с детства: уверенности в себе, значимости, признания. Единственный из всего города. А те, кто в школе подавал самые большие надежды, стали молочниками, торговцами старыми машинами, женились на толстых, глупых, мертвых бабах, которые тоже подавали большие надежды в школе. Они попались в мышеловку крошечного городка в штате Огайо и не смогли из нее выбраться. Здесь и умрут, никому не ведомые. А я вырвался и совершил все замечательные вещи, которые мечтал совершить.

Почему же сейчас мне тревожно?

Может, потому, что близится Рождество, а позади разбитые браки и потерянная дружба?

Я оставил в кабинете еще не просохший договор на пятьдесят тысяч долларов, сел в машину и приехал в международный аэропорт. Пошла непрерывная полоса самолетов, обедов в воздухе, взятых в аренду машин, наспех купленной зимней одежды. Прямоком на задний двор, который я не видел почти тридцать лет.

Прежде чем я соберусь назад, надо найти драгуна.

По замерзшей и хрустящей как целлофан траве я подошел к расщепленной молнией груше. Когда мне было семь, я без конца забирался на это дерево. Летом его ветки достигали крыши гаража. Я часто забирался на крышу, а один раз столкнулся с ней Джо Мамми. Не со зла, просто я часто спрыгивал с крыши, и мне казалось, что это должно нравиться всем. Джони растянул щиколотку, и его отец, пожарный, приходил меня искать. Я спрятался на крыше гаража.

Я обошел гараж. Вот и едва заметная тропинка. Рядом с ней я всегда хоронил своих игрушечных солдатиков. Мне нравилось знать тайное место, а потом выкапывать их как найденное сокровище.

(Даже сейчас, став взрослым, я продолжаю делать то же самое. В японском ресторане я обязательно припрячу в чашке с рисом паккай, ананас или териак, а потом с удовольствием найду их палочками среди рисовых зерен.) Конечно, я помнил место. Опустившись на колени, я принялся копать землю серебряным перочинным ножиком на цепочке. Нож принадлежал моему отцу – по сути дела, единственная вещь, доставшаяся мне по наследству.

Земля была твердой, но я старался, а луна великолепно освещала все вокруг. Я копал глубже и глубже, зная, что рано или поздно натолкнусь на драгуна.

Он был на месте. Краска слезла, сабля превратилась в ржавый отросток. Я вытащил из выкопанной тридцать пять лет назад могилы маленького железного солдатика и тщательно вытер его батистовым носовым платком. Он лишился лица и выглядел так же печально, как я себя чувствовал.

Я сидел на корточках под луной и ждал, когда наступит полночь, до которой оставалась одна минута. Я чувствовал, что на этот раз все получится. После стольких лет.

Позади чернел безмолвный дом. Я не знал, кто в нем сейчас живет. Получится неловко, если его обитатели сейчас не спят и смотрят в окно. На свой двор. Я здесь играл, и здесь, из мечты и одиночества, я создал мир – пользуясь талисманами из комиксов, радиопрограмм, утренних кинофильмов и могущественных святынь, наподобие маленького драгуна. Но теперь двор принадлежал чужим людям.

Часы показывали ровно полночь. Одна стрелка накрыла другую.

Луна пропала. Постепенно превратилась в светло-серое пятно, а потом вовсе исчезла, так что нельзя было даже догадаться, где она прячется.

Ветер усилился. Налетел откуда-то издалика и уже не унимался. Я встал и поднял воротник. Ветер был ни холодный, ни теплый, он даже не шевелил моих волос.

Земля проседала – медленно, по миллиметру, но постоянно, словно наросшие слои прошлого исчезали один за другим.

Я думал о себе.

Я пришел спасти тебя. Я иду, Гус. Тебе больше не будет больно... никогда больше не будет больно.

Снова выглянула луна. Раньше она была полной, теперь стала молодой. Ветер затих. Он отнес меня куда мне было надо. Земля застыла. Годы соскоблились.

Я находился во дворе дома номер 89 на Хармон-драйв. Снег стал глубже. Дом был другой, хотя и тот же самый. Он не был свежевыкрашенным. Депрессия закончилась совсем недавно, с деньгами по-прежнему было туго. Дом не выглядел совсем облупленным, но через год или два мой отец его покрасит. В светло-желтый цвет.

Под окном столовой росло дерево сумаха. Оно питалось бобами, супом и капустой.

– Не выйдешь из-за стола, пока не съешь все до последней капли. Мы не собираемся выбрасывать пищу. В России дети голодают.

Я положил драгуна в карман пальто. Он более чем добросовестно потрудились. Я обошел вокруг дома. И улыбнулся, снова увидев у задней двери деревянный молочный ящик. Очень рано, почти на заре, молочник поставит в него три бутылки, но, прежде чем кто-нибудь успеет их достать холодным декабрьским утром, сливки поднимутся и картонная крышечка будет на целый дюйм выше горлышка бутылки.

Под ногами скрипел гравий. На улице было тихо и холодно.

Я стоял посреди двора, возле большого дуба, и смотрел то вверх, то вниз.

Дуб не изменился. Как будто я никуда и не уезжал.

Я заплакал. Здравствуй.

Гус раскачивался на качелях на игровой площадке. Я стоял за забором средней школы Лэтроп и наблюдал, как он вцепился руками в веревки и изо всех сил упирается маленькими ножками в скамейку. Он был меньше, чем я его помнил.

Стараясь раскачаться повыше, он не улыбался. Для него это было серьезно.

Стоя за забором и наблюдая за Гусом, я был счастлив.

Я почесал сыпь на правой кисти и закурил сигарету. Я был счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.